

Галиева Альфия Макаримовна

АНАЛИЗ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье представлен анализ лингвофилософских концепций Нового времени - "Грамматики Пор-Рояля" и работ Кондильяка. Прослежена связь между общефилософской картиной мира XVII -XVIII вв. и теориями языка.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/8.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 26-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

от поступков графа NN, хотя некоторым и казался героем. Поэтому в целом изображённый мир ни плох, ни хорош и отвечает модели $(1/2, 1/2, 1/2)$. Посчитаем моральный статус Эмили. В её неопределённом мире $X_2 = 0$, совесть предупреждает её об опасностях окружающего мира. Она наяву видит, что происходит с её мужем, и первое время даже пытается бороться с ним. Её статус оказывается равным $\frac{1}{2} + \frac{1}{2} X_3$. Другое дело, что ей не удаётся сохранить X_3 равным единице, ближе к финалу он оказывается почти нулевым. Но, тем не менее, её статус оказывается близким к $\frac{1}{2}$, и её жалко, так как она жертва и мира, и конкретно графа NN.

Список использованной литературы

1. Грибоедов А. С. Сочинения: В 2 т. - М., 1971. - Т. 1 (цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием страниц в скобках).
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 12 т. - М.: Изд-во «Правда», 1982. - Т. 12.
3. Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1964. - Т. 1 (цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием страниц в скобках).
4. Крылов И. А. Сочинения: В 2 т. - М.: Изд-во «Правда», 1984. - Т. 2. - С. 29 (цитаты по этому изданию даются в тексте с указанием страниц в скобках).
5. Щрейдер Ю. А. Лекции по этике. - М.: Владос, 1994.

АНАЛИЗ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Галиева А. М.

Казанский государственный университет

Статья рекомендована к публикации к. филос. н., доц. Ибрагимовой З. З. и к.ф.н. Нагумановой Э. Ф.

В статье представлен анализ лингвофилософских концепций Нового времени - «Грамматики Пор-Рояля» и работ Кондильяка. Прослежена связь между общеполитической картиной мира XVII - XVIII вв. и теориями языка.

В эпоху модерна процессы секуляризации и демифологизации привели к высвобождению светской культуры из тисков религиозной картины мира. Под влиянием субъект-центрированного рационалистического мировосприятия Нового времени, в условиях формирования парадигмы научного знания появилась необходимость по-новому интерпретировать проблематику, связанную с языком. Видение природы и сущности языка, объяснение грамматического строя, выявление внутренней корреляция языка и мышления в XVII - XVIII вв. в Европе осуществляется в русле господствующих философско-методологических принципов рационализма и эмпиризма, в это же время язык начинает рассматриваться под углом зрения внутреннего мира человека, при интерпретации которого прослеживается тяга к механицизму. М. Фуко говорит о том, что вопреки общеизвестным представлениям о том, что Новое время характеризуется как эпоха математизации эмпирического знания и механицизма, главным инструментом анализа все же должен рассматриваться не алгебраический метод, а система знаков [Фуко 1994: 91-92].

В рационалистически ориентированных учениях о языке грамматическая категоризация возводится к операциям рассудка и определяется структурой мысли. Общие и частные явления получают рациональное обоснование исходя из представлений о согласованности языкового способа выражения мысли с её логической структурой. Языковые универсалии выводятся из единства человеческого мышления, которое в это время представляется одинаковым у всех народов, во все времена (не случайно «Грамматика Пор-Рояля» названа ее авторами «Всеобщей рациональной грамматикой»).

В учении Декарта, давшего философское обоснование научному знанию, под новым углом зрения предстает и проблематика, связанная с языком. В основных своих философских сочинениях, посвященных проблеме метода, Декарт не рассматривает язык специально, но, как отмечает Э. Кассирер, из его философии следует, что «требование *mathesis universalis* сопровождается требованием *lingua universalis*. Подобно тому, как все случаи познавательной деятельности... оказываются проявлением одной и той же основной формы познания, человеческого разума, так и в основе всякой речи должна лежать одна универсальная, обусловленная разумом форма языка вообще, скрывающаяся, конечно же, множеством и разнообразием форм слова, которые, однако, не могут сделать её совершенно непознаваемой» [Кассирер 2002: 60].

Рационалистические концепции языка развивались в разных национальных традициях, но классическим образцом такой универсальной грамматики стала «Всеобщая рациональная грамматика Пор-Рояля», изданная в 1660 г. Авторами её были Антуан Арно и Клод Лансло.

Авторы Пор-Рояля производят анализ значений слов исходя из принципов рационалистического подхода к языку. Поскольку «слова можно определить как членораздельные звуки, которые используются людьми как знаки для обозначения мысли» [Арно 1990: 90], то, по мнению французских мыслителей, определение сущности языка может производиться лишь через описание операций рассудка, при помощи которых человек воспринимает и анализирует действительность. Авторы Пор-Рояля выделяют четыре действия ума: «созерцание» (понятие), суждение, умозаключение и упорядочивание (метод). При этом в качестве основной формы мысли рассматривается суждение. Именно способность образовывать суждения составляет сущность человеческого мышления. По мнению авторов Пор-Рояля, язык является той сферой, благодаря которой «можно выделить как предмет мысли, так и форму мысли» [Арно 1990: 92].

А. Арно и К. Лансло указывают, что язык служит человеку не только для передачи готовых мыслей, но и для формирования новых: «Люди говорят совсем не для того, чтобы выразить то, что они созерцают, но почти всегда для того, чтобы составить суждение о предметах» [Арно 1990: 92]. Поэтому «Грамматика» и «Логика» Пор-Рояля образуют единую концепцию, а грамматический и логический разборы предполагают и дополняют друг друга. В «Логике» даже утверждается: «Не столь уж важно, куда относятся эти вопросы - к грамматике или к логике, - а надо просто сказать, что всё, что полезно для целей каждого искусства, к нему и относится, независимо от того, является ли знание этих вопросов собственной принадлежностью других искусств и других наук, которые им пользуются» [цит. по: Арно 1990: 30].

Универсальный аспект языка проявляется в том, что он дает особые знаки, адекватные любому «созерцанию», а также отдельным элементам «созерцания», при этом сходные «созерцания» и суждения могут быть обозначены посредством языка одинаковым образом. Язык также позволяет проследить способ сочетания и связь элементов в суждении, превращаясь в инструмент анализа.

В методологическом отношении авторы Пор-Рояля непосредственно опираются на рационализм Декарта, в частности на идущую от Декарта идею разделения двух субстанций - мыслящей и протяжённой. К. Лансло и А. Арно высказывают актуальные для своего времени идеи о структуре мысли, развивают учение стоиков о знаке, который рассматривается как двусторонняя сущность. Слова - «учреждённые знаки мыслей» - нужны для обозначения и выражения готовых мыслей и для их передачи при общении: «Говорить - значит объяснить свои мысли при помощи знаков, изобретённых людьми для этой цели» [Арно 1990: 71]. При этом авторы исходят из того, что сами мысли формируются без опоры на языковые знаки, то есть независимо от языка: «...мы пользуемся словами для выражения наших мыслей» [Арно 1990: 80]. То есть связь языка и мышления в «Грамматике Пор-Рояля» рассматривается в первую очередь в социальном аспекте - с точки зрения intersubjectности.

В трактате можно увидеть своеобразное предвосхищение теории общественного договора, поскольку авторы достаточно часто используют сочетания типа: *люди изобрели, люди придумали, людям понадобилось* и т.п.

Язык в концепциях мыслителей XVII - XVIII вв., отмечает М. Фуко, «не столько орудие общения людей между собой, сколько тот путь, посредством которого представление необходимым образом сообщается с рефлексией. Именно поэтому *Всеобщая грамматика* приобрела такое значение для философии в течение XVIII века: она была целиком и спонтанно формой науки, как бы логикой, не контролируемой умом, и первым рациональным анализом мышления, то есть одним из самых первых разрывов с непосредственным» [Фуко 1994: 117].

Грамматике Пор-Рояля еще чужды принципы историзма: проблемы развития языка в ней не отражены. Авторы ее ищут не языковые универсалии, с необходимостью присущие любому языку, а обосновывают универсальность способов выражения всеобщего на материале конкретных языков.

В философии Нового времени обращается внимание на те специфические проблемы, которые порождаются неправильным употреблением языка. Как известно, начало такому анализу положил Ф. Бэкон своим учением об «идолах», которые рассматриваются им как препятствия в познании истины, возникающие в результате неправильного употребления слов и имен, когда слова могут обратить свою силу против разума.

Среди концепций языка, созданных в XVIII веке, самой значительной и оригинальной является концепция Этьенна Бонно де Кондильяка - одного из ярких представителей французского Просвещения. Основные вопросы, которые рассматривает Кондильяк в своей философии, относятся к теории познания, но в его гносеологической концепции проблематика, связанная с языком, имеет большое значение. Уже в первом своём сочинении «Опыт о происхождении человеческих знаний» он говорит о роли языкового фактора в развитии познавательных способностей человека. Во введении к этому сочинению Кондильяк утверждает, что «идеи связываются со знаками», и только «благодаря этому они связываются между собой» [Кондильяк 1980, 1: 70]. В этом произведении французский философ пытается мысленно реконструировать процесс происхождения языка от языка жестов, показать роль языкового фактора в интеллектуальной эволюции человечества, когда совершался переход «от одних действий души к другим, более сложным». Кондильяк считает, что первоначально люди создали имена, которые функционировали наряду с жестами и интонацией, затем изобрели глаголы. В реконструкции эпохи становления языка Кондильяк основывается на логической необходимости, воображении и интуиции.

Восприятие у Кондильяка выступает как замкнутое на себе психическое образование, к которому легко и естественно прикладываются понятия в знаковой (языковленной) форме. Французский философ рассматривает язык как *аналитический метод*: по его мнению, любой анализ производится и может быть произведён только при помощи знаков: «искусство рассуждать началось вместе с языком и развивалось, поскольку развивались сами языки». Вопреки картезианцам, Кондильяк полагает, что операции рассудка не только не определяют употребление знаков, но сами зависят от них.

У французского мыслителя знаки являются не только передатчиками идей. Новые идеи создаются по аналогии с имеющимися в памяти знаками. Кондильяк пишет: «...как только человек начинает связывать идеи со знаками, которые он сам выбрал, обнаруживается, что у него возникает память. Приобретая её, человек начинает сам распоряжаться своим воображением и давать ему новую работу, ибо при помощи знаков, которые он может вспомнить по своей воле, он пробуждает или, по крайней мере, может часто пробуждать связанные с ними идеи. В дальнейшем он приобретает тем больше власти над своим воображением,

чем больше знаков он изобретает, потому что он обеспечивает себе гораздо больше средств для деятельности [своего воображения]» [Кондильяк 1980, 1: 104]. Кондильяк далее говорит, что развившиеся под действием знаков память и воображение начинают освобождать душу от диктата непосредственных восприятий и впечатлений, это приводит к тому, что человек начинает *размышлять*.

Кондильяк подвергает критике теорию врождённых идей Декарта. Он отказывается признавать, что наличие одинаковых или сходных идей у разных людей должно быть объяснено через учение о врождённых идеях. Доводя эту мысль до логического завершения, Кондильяк говорит о том, что «мы бы непременно считали, что наш язык является врождённым, если бы не знали, что другие народы говорят на языках, совсем непохожих на наш» [Кондильяк 1980, 1: 274]. То обстоятельство, что человек, как правило, не помнит о том, как возникли и формировались его представления, становится причиной того, что человеку многие явления кажутся самоочевидными. «Привычка связывать знаки с вещами стала для нас... столь естественной, что мы привыкли относить названия к самой реальности предметов и считать, что названия вполне объясняют сущность предметов» [Кондильяк 1980, 1: 274]. Французский философ утверждает, что разум оказывается во многих отношениях во власти тех химер, которые навязывает ему язык (мысль, очевидная для неопозитивистов XX века, но почти революционная для XVIII века, хотя в этом тезисе можно увидеть развитие бэконовских идей об идолах площади).

Далее Кондильяк подвергает критике позицию тех философов, которые видят источник заблуждений в несовершенстве идей. В качестве примера приводится история формирования математики, где прорыв к новому всегда обуславливался анализом существующих идей. Такое положение кажется Кондильяку универсальным: «истина открывается только при помощи сочетаний и расчленений» [Кондильяк 1990, 1: 275-276].

«...Чтобы сделать язык точным, его нужно преобразовать, не принимая во внимание обычное словопотребление» [Кондильяк 1980, 1: 276] - эти слова Кондильяка могли бы звучать как девиз аналитиков языка начала XX века. Исходя из идеи о единстве человеческой природы, единой психофизиологии человека, Кондильяк, как последовательный сенсуалист, предлагает начать анализ языка со слов, обозначающих восприятия. Затем предполагается тщательный анализ более сложных идей. Французский философ исходит из того, что восприятия или представления имеют нерасчленённую природу, только работа мысли - рефлексия позволяет выделять отдельные аспекты в восприятии и рассматривать их независимо от того целого, с которым они слиты по природе.

Приведем простой пример: мы видим, воспринимаем камень, и образ камня для нас изначально целостен - его размер, цвет, фактура, тяжесть, шероховатость поверхности, температура и другие характеристики слиты воедино, образуя бытие этого камня, его целостность. Но благодаря тому, что в человеческом языке есть классы слов, называющих отдельные проявления этого камня, мы можем сказать, что он холодный, тяжёлый, белый и т.п., при этом мы мысленно вычленим отдельные стороны камня. Слова «тяжёлый» или «белый» имеют свое понятийное ядро в сознании человека, но в вещах эти качества неотделимы друг от друга и от своего носителя (вспомним, как странно звучит восклицание Алисы по поводу Чеширского кота: «Я много раз видела кота без улыбки, но улыбка без кота?!»). Вещь воспринимается через её свойства, наполняясь всё более конкретным содержанием.

Кондильяк утверждает, что словесные знаки создавались людьми путем движения от сложного (синкретического) к простому, так как первоначально человек способен познавать лишь сложные субстанции.

Одна из причин того, что философы строят великое множество плохо соотносящихся с реальностью абстрактных систем и выдвигают необоснованные гипотезы, заключается в глубоко укоренившейся привычке человека рассуждать при помощи и по поводу неопределённых понятий. Философы, будучи более поэтами, нежели мыслителями, в плену воображения «приписывают реальность решительно чему угодно. Они касаются лишь поверхности вещей, но рисуют её в самых ярких красках. Они ослепляют, а думают, что просвещают» [Кондильяк 1982, 2: 167].

Приведённая цитата может вызвать иллюзию, что Кондильяк, подобно Платону, призывает изгнать поэтов из идеального города. В действительности это не так. Более того, Кондильяк утверждает, что гениальный поэт через свое творчество раскрывает креативную силу языка и делает его достоянием других. «Язык постепенно обогащается множеством новых оборотов, которые благодаря своей связи с его характером развивают его все больше и больше; и аналогия становится подобна факелу, свет которого беспрестанно разрастается, освещая путь все большему числу писателей» [Кондильяк 1980, 1: 266]. При этом совершенствование не замыкается только в сфере искусства слова, его творческая мощь проникает во все сферы деятельности, начинается цепная реакция, что приводит к бурному развитию талантов в разных областях.

Кондильяк обнаруживает непосредственную связь между общим уровнем развития культуры того или иного народа и степенью совершенства его языка: «Обстоятельства, благоприятные для развития гениев, встречаются у нации в то время, когда её язык приобретает твердые принципы и окончательный характер» [Кондильяк 1980, 1: 263]. Чем сильнее в языке проявляется действие принципа аналогии, тем большее количество новых идей способно возникнуть у носителей этого языка, тем шире раздвигаются интеллектуальные горизонты. Свершения гениев, щедро одарённых природой, целиком определяются уровнем развития языка, «ибо слова играют ту же роль, что знаки в геометрии, а способ их употребления - ту же роль, что и методы исчисления» [Кондильяк 1980, 1: 264]. Недостаточно ясный и гибкий язык порождает в мышлении говорящих помехи той же природы, что и примитивные системы исчисления, которые использовались в математи-

ке до создания алгебры. «Язык грубых народов препятствует их умственному развитию», - говорит Кондильяк [Кондильяк 1980, 1: 265].

Размышления Кондильяка о роли языка в процессе познания продолжают в его сочинении «Логика, или Начала искусства мыслить». В этом трактате французский мыслитель снова настойчиво проводит тезис, что «искусство рассуждать началось вместе с языками», что «развитие этого искусства могло совершаться лишь постольку, поскольку развивались сами языки» [Кондильяк 1983, 3: 234-235]. Кондильяк здесь продолжает свою мысленную реконструкцию архаического языка: в нём первоначально «все было смешано»; выражаясь современным языком, этот язык мог иметь только синкретичный характер, где не было ещё разделения на объективное и субъективное, рациональное и эмоциональное, где действие не отделялось от носителя этого действия и т.п., т.е. этот язык представлял собой «множество идей, выступающих одновременно» [Кондильяк 1983, 3: 234]. По существу, Кондильяк говорит о допредикативной целостности восприятия (предикативность языкового мышления становится фундаментом формальной логики при осмыслении суждения в форме *S есть P*), которое отчасти переносится на архаический язык. В этом языке люди «не распознавали ничего», «пока не научились производить анализ своих действий» [Кондильяк 1983, 3: 235].

Подвергая критике концепцию врождённых идей, Кондильяк в своих сочинениях, тем не менее, использует выражение «врождённый язык» (!), тот язык, «которому мы отнюдь не обучены, ибо он является естественным и непосредственным следствием нашей организации» [Кондильяк 1983, 3: 236]. Можно предположить, что в этом случае речь идёт о предпосылке, возможности развёртывания языка в человеке, данной изначально. Этот язык ещё не является аналитическим методом, так как «он не разлагает наших ощущений, не показывает, что они в себе заключают» [Кондильяк 1983, 3: 237]. «Когда же он становится аналитическим методом, он разлагает ощущения и даёт идеи, но, как методу, ему обучаются, следовательно, с этой точки зрения, он не является врождённым» [Кондильяк 1983, 3: 237].

В лингвофилософской концепции Кондильяка последовательно отражаются идеи номинализма, соединённого с основными принципами гносеологии Нового времени. «Искусство рассуждать сводится к хорошо построенному языку лишь потому, что сам по себе порядок в наших идеях - это только субординация, существующая между названиями, данными родами и видами; и так как мы имеем новые идеи лишь потому, что образуем новые классы, очевидно, что определять идеи будем так же, как и сами классы» [Кондильяк 1983, 3: 245].

В произведениях Кондильяка можно также обнаружить критику договорной теории происхождения языка. Он пишет, что люди «решили говорить при помощи членораздельных звуков лишь тогда, когда они уже говорили при помощи подобных звуков; и языки возникли прежде, чем появился замысел их создать» [Кондильяк 1983, 3: 238].

Согласно Кондильяку, языковой фактор играл исключительную роль в эволюции человека, в истории формирования его сознания и развития познавательных и творческих способностей. Язык неотделим от анализа, следовательно, неотделим от познавательной деятельности как таковой, и это становится причиной того, что «именно анализ создает язык и порождает искусства и науки» [Кондильяк 1983, 3: 246]. Функции разделения и соединения, анализа и синтеза, имманентные языку, находят сознательное и целенаправленное выражение в анализе и синтезе научного способа истолкования действительности. Таким образом, согласно Кондильяку, все частные науки являются прямым продолжением процесса анализа идей, который начинается с изобретения языка. И в естественном языке, и в «языке исчислений» господствует единый принцип членения, соединения и упорядочивания представления, а механизм языка представляет собой систему связей, созданных волей человека.

В философии Нового времени язык рассматривается не как проявление индивидуальной психики, а приобретает общезначимый характер. В рационалистических и сенсуалистических теориях глоттогенеза язык представлен не как божественный дар, готовое и совершенное творение - нет, в Новое время язык понимается как порождение человеческого разума. Однако, как отмечает Кассирер, «поскольку сам разум сохраняет при этом характер субъективно-произвольной рефлексии, то проблема «создания» языка ... подменяется проблемой его «изобретения». Речь идёт о сознательно-целенаправленном способе действия, к которому человек прибегает при изобретении первых языковых знаков и их совершенствовании, в результате чего возникают слова и предложения» [Кассирер 2002: 75].

Как показывает проведенный анализ, в концепциях языка отражаются наиболее существенные стороны философии Нового времени. В духе основных идей своей эпохи эмпирики и рационалисты рассматривают язык с точки зрения того, что он даёт для развития познания. М. Фуко говорит: «В классическую эпоху «познавать» и «говорить» переплетаются между собой, образуя одну нить; и для знания, и для языка речь идёт о том, чтобы дать представлению знаки, посредством которых можно было бы его развернуть согласно необходимому и очевидному порядку» [Фуко 1994: 122]. В философии XVII-XVIII вв. теория знаков ещё не отделена от теории познания, создателем языка рассматривается скорее познающий субъект, нежели общество. Внутренне необходимая для субъекта структура познания и самосознания требует особого видения природы языка только как инструмента познания. В рационалистических концепциях языка ещё не отражены ни спонтанность духа, ни психологическая глубина, язык ещё не имеет ни своей истории, ни собственного бытия, не сводимого к репрезентации мыслительного содержания, объективные предпосылки развития языка еще не привлекают внимание мыслителей. Абстрактный всеобщий субъект философии Нового времени требует общезначимого и всеобщего языка.

Список использованной литературы

1. Арно, А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля / А. Арно, К. Лансло / Общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. - М.: Прогресс, 1990. - 272 с.
2. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер. - М.; СПб.: Университетская книга, 2002. - Т. 1: Язык. - 272 с.
3. Кондильяк, Э. Б. Сочинения: В 3-х т. / Э. Б. де Кондильяк / Общ. ред. и примеч. В. М. Богуславского. - М.: Мысль, 1980 (Т. 1) - 334 с.; 1983 (Т. 3) - 388 с.
4. Фуко, М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко. - СПб.: А-сэд, 1994. - 406 с.

ОСОБЕННОСТИ ОБЪЕКТИВИРОВАНИЯ ЛОГИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ
КВАЛИТАТИВНОСТИ ПРИ СУБСТАНТИВНОЙ ЧАСТЕРЕЧНОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ

Гридина Н. В., Соколова Е. Е.

Российский государственный социальный университет, г. Москва

Статья рекомендована к публикации д.п.н. Карнаухова М. В. и к.ф.н. Талиной И. В.

В данной статье рассматривается номинативная морфотема квалитативности, объективированная именем существительным. В качестве метода исследования предлагается использовать морфотемный анализ единиц языка и речи, предложенный Фефиловым А. И. (1997).

Морфотемная структура языковых и речевых единиц позволяет проследить определенные тенденции взаимоотношения логико-семантической категории квалитативности и логико-мыслительной категории качества на уровне частеречной категориальной субстантивной объективации. Остановимся на основных моментах субстантивной морфотемы квалитативности, ее особенностях и отличии от вербиальной морфотемы с логико-семантическим признаком квалитативности.

Субстантивная морфотема представляет качество как свойственное объекту, заложенное в его природе, как нечто отвлеченное от носителя, само выступающее как объект характеристики и качество как проявление определенного действия.

1. Субстантивная морфотема, объективирующая качество как отвлеченное от носителя. Квалитативность в синтагмеме данного типа класса занимает исходную позицию среди синтагменных признаков на семантическом этапе объективации мыслительного понятия, например, *горечь (1)* = качество, которое имеет горький вкус = то, что является квалитативным признаком, присуще кому-либо/чему-либо, характеризуется как совокупность определенных свойств; *скорость (2)* = состояние, проявляющееся в движении, как определенное качество «быстроты»; *молодость(3)* = состояние, в котором пребывает некто, характеризуемое определенным качеством. В представленных синтагмах объективирован различный реляционный признак: в (1) - посессивный, в (2) - экзиститивность (термин введен нами), в (3) - экзистенциальность. Схематично синтагмемы можно представить следующим образом:

I то, что является квалитативным признаком	II присуще	III кому-либо/чему-либо,	IV характеризуется как	
I состояние,	II в котором пребывает	III некто,	IV характеризуется как	
I состояние	II проявляющееся	III в движении	IV чего-либо	V характеризуется как

Данные синтагмемы формантизируются в следующие морфотемы (→указывается трансформация синтагмемы в морфотему):

Квал+Рел_Поссесив+Суб+Квал(Квал) → КСП_Квал + НСП_Квал + АСП_Суб (горечь, тишина, счастье, упорство, бесконечность);

Квал+Рел_Экзист+Суб+Темп+Квал(Темп) → КСП_Квал+НСП_Квал + АСП_Суб+АСП_Темп (молодость, старость, вечность);

Квал+Рел_Экзист+Суб+Акц → КСП_Квал + АСП_Квал + АСП_Суб (скорость - «быстро»);

Квал+Рел_Поссесив+Суб+Квал → КСП_Квал [АСП_Суб] + ДСП_Квал [НСП_Лок] (морская болезнь);

Квал+Рел_Поссесив+Суб+Кван → КСП_Квал + НСП_Кван + АСП_Суб (одиночество, равенство).

Характерной особенностью субстантивных квалитативных слов является их денотативная соотносительность с событием: образуемые ими словосочетания реализуют свернутые предикатные структуры [Арутюнова 1972, 1976; Степанов 1981: 64 и др.].